

Мой психиатр. За чертой страха

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

Таня Белкова

Мой психиатр. За чертой страха

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой психиатр. За чертой страха / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я — Инга Соколова, кризисный психолог МЧС. Я привыкла вытаскивать людей из беды. Но после обрушения торгового центра сама оказалась за чертой страха: темнота душит, прошлое не отпускает, а возвращение на службу кажется невозможным. В клинику психиатра Романа Орлова я приехала за помощью — и в первый же день помогла вытащить его пациента с карниза. Теперь мы вдвоём против тех, кто превращает больницу в ловушку. Роман умеет удержать меня, когда рушится мир. Я готова остаться рядом, когда опасность придёт за ним. Только где заканчивается доверие к моему психиатру и начинается любовь, ради которой придётся снова шагнуть в темноту?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой психиатр. За чертой страха

Мой психиатр. За чертой страха

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Порывистый сентябрьский ветер срывал с вековых лип тяжелые бурые листья, швыряя их в ржавые прутья чугунной ограды. Я стояла на шербоatom асфальте перед глухой кованой калиткой Городской клинической психиатрической больницы № 12, сжимая в заледеневших пальцах ручку тяжелого кожаного чемодана. В левом кармане форменного плаща лежало смятое ведомственное направление: «Майор внутренней службы Соколова И. В. Для прохождения курса медико-психологической реабилитации в условиях специализированного стационара».

Полгода. Ровно полгода прошло с того дня, когда рухнули железобетонные плиты торгового центра «Атриум», похоронив под собой моё прежнее «я». С тех пор каждое замкнутое пространство казалось мне могилой, а в висках неотступно стучал угасающий пульс семнадцатилетнего мальчишки Серёжи Ковалёва, которого я не смогла вытащить на свет под плитами «Атриума».

Я нажала облупленную кнопку вызова на щитке КПП. Из динамика донесся сухой треск:

— Прием окончен! Ворота на замке, читайте график!

Из будки, нехотя жуя, вышел грузный вахтер в камуфляжной куртке — Степан Семёнович. Он смерил мой чемодан подозрительным взглядом:

— С вещами не положено. Распоряжение начмеда Дятлова: без личной визы дирекции на территорию ни одна собака не ступит. Разворачивайтесь, в понедельник придете.

В горле привычно встал сухой колючий ком, но офицерская выучка сработала раньше, чем подступила слабость. Я резким движением вытащила из нагрудного кармана красное удостоверение с золотым гербом и прижала его к смотровому стеклу:

— Майор Соколова. Препятствование офицеру спасательной службы при исполнении обязанностей — триста восемнадцатая статья УК. Открывай засов, боец, пока я не связалась с дежурным комендатуры гарнизона.

Семёныч поперхнулся, торопливо загремел связкой ключей и отодвинул засов. Пропуская меня в калитку, он угрюмо буркнул:

— Проходите, товарищ майор... Только зря вы сегодня явились. В главном корпусе дурдом на уши встал. Охрана на чердаке воет, санитары с ног сбились. Живым бы оттуда уйти...

Тяжелая створка с лязгом захлопнулась за моей спиной.

Я шагнула на широкую гравийную аллею. Липы смыкались над головой высокими сводами. Тишина парка давила на барабанные перепонки — вязкая, неестественная. Внезапный шквал с треском обломил сухую толстую ветку над головой. Она с пушечным грохотом рухнула на гравий в полуметре от меня.

Перед глазами вспыхнула слепящая тьма, в ушах зазвенело от скрежета сминаемой арматуры. Сердце сорвалось в бешеную тахикардию за сто сорок ударов. Горло сдавило ледяной петлей спазма. Воздух стал твердым, как застывший цемент, — я хватала его открытым ртом, но легкие оставались пустыми.

«Только не здесь. Не смей падать», — приказала я себе.

Я шагнула к стволу векового дуба, вжалась лопатками в шершавую кору и вытащила ампулу с ментолом и нашатырем. С хрустом раздавила оболочку в платке и глубоко втянула носом обжигающий пар. Боль пробила оцепенение. Диафрагма дернулась: вдох на четыре счета, долгий выдох на шесть. Земля под ногами перестала уходить в бездну.

Я открыла глаза и подняла взгляд на шестиэтажный корпус из темно-красного кирпича. И тут мой взгляд зацепился за деталь, мгновенно вытеснившую панику.

Окна палат третьего этажа — кризисного отделения доктора Орлова — не имели решеток. В их старинные дубовые рамы были вмонтированы матовые по краям швейцарские бронестекла специальной безосколочной закалки. Это была не тюрьма для буйных, а территория продуманной, защищенной свободы.

Под сводчатыми потолками вестибюля гуляло тревожное эхо. За высокой стойкой сидела секретарша Тамара Николаевна, нервно перебирая журналы. С верхних ярусов лестницы доносился топот и крики.

— Здравствуйте, — я подошла к стойке. — Майор Соколова. Направление к заведующему отделением Роману Андреевичу Орлову.

Тамара Николаевна вскинула испуганный взгляд:

— Женщина, какой прием? Доктор Орлов на закрытом консилиуме в спецсекторе, никого не принимает! Ждите в приемном покое до понедельника!

Она потянулась закрыть журнал, но я прижала страницу ладонью:

— Проверьте квоту МЧС на сегодняшнее число. И не вынуждайте меня связываться с дежурным генералом главка прямо из этого холла.

Секретарша побледнела, вбила мою фамилию в базу и растерянно моргнула:

— Да... вы есть в листе. Но вы все равно к нему не пройдете!

В этот момент боковая дубовая дверь распахнулась, и в вестибюль выбежала старшая медсестра Алёна Васильевна — статная шестидесятилетняя женщина с добрым, открытым лицом и серебряными прядями в волосах:

— Тамара Николаевна, хватит врать! — крикнула она, срывая с шеи фонендоскоп. — Какой консилиум?! Роман Андреевич прямо сейчас полез через слуховое окно на карниз шестого этажа! Там Белозеров из шестой палаты стоит с осколком зеркала у горла, у него дикий психоз, а тусовщики из охраны заперлись на площадке!

Внутри меня щелкнул тумблер. Орлов не прятался за инструкциями — он полез на карниз спасать пациента.

Алёна Васильевна заметила мой чемодан:

— Господи, вы новенькая? Садитесь на диван, не смотрите туда, там кошмар...

Я перехватила ее за плечи голосом, которому подчиняются расчеты на завалах:

— Отставить панику. Я старший психолог-переговорщик майор Соколова. Семь лет работы на высотных срывах. Чемодан под лестницу, плащ долой. Веди на чердак, быстро! Пока твой доктор не сорвался вниз!

Алёна Васильевна вгляделась в мои глаза и мгновенно подобралась:

— За мной! К служебному подъемнику!

Мы взлетели по ступеням на пятый этаж. Воздух здесь пах чердачной пылью и сырой мглой. Сверху доносились крики:

— Не подходи, дед, зарежет же! Стрелять надо!

Выход на чердачную лестницу перекрывала решетчатая дверь пожарной отсеки, запертая на массивный висячий замок.

— Откройте! — заколотила Алёна Васильевна.

— Ключ упал в щель! — донесся сиплый голос. — Уходите, он бешеный!

Я сорвала с пожарного щита граненый стальной лом, вогнала клин в дужку замка и всем телом навалилась на рычаг. Звонкий щелчок разорвал полумрак — каленая дужка лопнула. Замок с грохотом полетел на пол. Ударом берца я распахнула решетку и шагнула на чердачные стропила.

В полумраке шестого этажа, прижавшись спинами к кирпичной трубе, жались трое охранников с резиновыми дубинками в трясущихся руках. Впереди чернел распахнутый проем слухового окна, откуда с ревом врывался ледяной сквозняк.

Начальник службы безопасности больницы Громов попытался преградить мне путь:

— Куда прешь, дура?! Он себе горло перережет!

Короткий нырок под локоть, жесткий захват за лучезапястный сустав — и майор в отставке Громов со стоном влетел лицом в кирпичную кладку, выронив дубинку:

— Оружие бросить. Рты закрыть. Сесть на пол и не дышать, — отчеканила я. — Еще звук, Громов, — оформлю протокол за оставление людей в опасности.

Я повернулась к окну и замерла.

На узком жестяном карнизе над шестиэтажной пропастью стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в распахнутом белом халате поверх темной рубашки с закатанными рукавами. Ветер яростно трепал полы его халата, но сам он казался вылитым из чугуна.

В трех шагах от него, на краю жести, стоял седой старик в пижаме, прижимая к собственному кадыку зазубренный треугольник зеркала.

Роман Орлов повернул голову на звук моих шагов. Его глаза — темные, глубокие, невероятно спокойные — встретили мой взгляд. В них горело чистое пламя абсолютной концентрации.

* * *

Снизу, со двора, сквозь вой ветра долетал вой сирены и гул зевак. Высота под карнизом составляла двадцать два метра чистого падения — прямо на гранитные плиты. На мгновение пол ушел из-под ног: вспыхнул фантомный грохот рушащихся балок, холодный пот ожег виски.

Но чужая смерть дышала в лицо.

Старик на карнизе дернулся от звука сирены, его пятка соскользнула с влажного металла:

— Не подходите! — закричал он сорванным голосом. — Вы служите Дятлову! Вы хотите стереть мне память! Я не отдам свои чертежи, я шагну вниз!

Роман медленно приподнял открытые ладони на уровень груди, показывая пустые руки. Затем скользнул взглядом по моему лицу и едва заметно качнул подбородком: «Держи тыл. Работай голосом».

Орлов заговорил. Его голос — низкий, бархатный, удивительно плотный — мгновенно разрезал свист ветра:

— Петр Сергеевич. Посмотрите на мои руки. Здесь нет Дятлова. Здесь только я, доктор Орлов. И я даю слово: никто не прикоснется к вашим чертежам.

Архитектор яростно взмахнул осколком возле щеки врача:

— Врешь! Ты пришел сделать укол! Они уже сожгли проект библиотеки!

Он терял контакт с реальностью. Нужен был мощный якорь. Фамилия Белозерова вдруг сложилась с лицом: я видела его фотографию в архитектурном справочнике, когда наша служба обследовала старые здания на Набережной.

Я по пояс высунулась из окна, намертво вцепившись пальцами в деревянный косяк, и заговорила звенящим голосом переговорщика МЧС:

— Петр Сергеевич! Дом купца Савина на Набережной, двенадцать! Проект девяносто первого года!

Старик оцепенел. Рука со стеклом дрогнула. Мутные зрачки повернулись ко мне:

— Кто... вы?

— Майор Соколова, эксперт службы спасения! Ваш расчет купола ротонды без промежуточных опор признан шедевром! Никакой Дятлов не имеет права тронуть ваши расчеты! Они под защитой закона и моей личной охраной!

В глазах старика вспыхнула искра живого сознания. Орлов мягко сделал скользящий шаг вперед по мокрой жести, сокращая дистанцию.

Но в следующую секунду старик заплакал сухими стариковскими слезами:

— Они вкололи мне масляный яд в бедро... Ночью... У меня отнялись пальцы, я не могу держать карандаш! Я забыл имя моей покойной Верочки! Они хотят признать меня безумным, чтобы забрать квартиру и мастерскую!

«Никакой эндогенной шизофрении. Его целенаправленно травили фармакологией ради элитного жилья».

Шквал ветра ударил в стену. Нога Белозерова поехала по склизкому краю карниза. Старик вскрикнул, теряя равновесие, и инстинктивно взмахнул осколком зеркала прямо в шею доктору.

— Смотреть на меня! — рявкнула я командным голосом.

Белозеров на долю секунды отвел руку в сторону звука — и этого мига Орлову хватило. Его правая рука железным захватом заблокировала запястье старика со стеклом, а левая впилась в ворот пижамы.

Они оба покачнулись над бездной.

Тяжесть падающего тела потащила доктора за собой. Подошвы его туфель со скрежетом заскользили по жести. Осколок зеркала полоснул Романа по ладони — алая кровь брызнула на белый халат, но пальцы Орлова не разжались.

— Держу! — выдохнул он сквозь зубы.

Выбросив корпус наружу и ссадив ребра о деревянный брус, я дотянулась обеими руками до второй руки Белозерова у локтя. Уперлась берцами в раму, принимая половину веса старика на свои плечи.

Орлов свободной окровавленной ладонью с точностью нажал на двигательную точку предплечья Белозерова. Пальцы старика разжались. Осколок зеркала со свистом полетел вниз, разбившись о гранитные плиты под ахнувший рев толпы.

Глава

2

— И-раз! — скомандовала я.

Синхронным рывком мы с Романом оторвали тело Белозерова от карниза и перевалили через подоконник внутрь чердака. Старик тяжело рухнул на брезент, судорожно всхлипывая.

Орлов тяжело перевел дыхание и опустился на колено рядом со мной, зажимая рассеченную ладонь платком. Его взгляд оставался ясным и твердым.

Из темноты чердака выскочил старший санитар приемного покоя Николай Козлов с кожаными ремнями:

— Вяжи психа! Сейчас спецбригада приедет!

Он занес ремень над запястьем плачущего старика, но резкий удар ребром ладони по кости выбил ремни из его пальцев.

— Руки убрал от ветерана, — процедила я.

Орлов встал во весь рост, заслоняя нас широкой спиной:

— В моем отделении людей не вяжут. Одежда сюда. Носилки. И нести руками, бережно. Бегом!

Спустя пять минут мы спустились на третий этаж. Носилки с Белозеровым катили по коридору кризисного отделения. Я шла рядом, держа пальцы на лучевой артерии: пульс нитевидный, челюсти сводило судорогой, голова неестественно запрокидывалась.

У дверей процедурной дорогу преградил одутловатый врач в круглых очках — дежурный врач-психиатр Вадим Петрович Зубов, верный подручный Дятлова:

— Стоять! Распоряжение начмеда: изолировать Белозерова в закрытый бокс буйного отделения и загрузить аминазином!

Орлов надвинулся на него, прижав к стене:

— Белозеров — мой пациент. Любая попытка ввести препарат без моей подписи будет квалифицирована как умышленное причинение вреда здоровью группой лиц. Пошел вон с дороги, Зубов.

Роман втолкнул каталку в процедурный кабинет, увлек меня за собой и повернул шпингалет на двери.

* * *

Снаружи в запертую дубовую дверь глухо колотил Зубов:

— Орлов, открой! Я вызову полицию!

Роман не обращал на него внимания. Он подошел к кушетке, на которой метался Белозеров. Лицо старика застыло маской, мышцы шеи были натянуты струнами, челюсти выбивали сухую дробь.

— Как вас зовут, майор?

— Инга.

— Смотри, Инга, — Орлов взял руку старика и согнул в локте. Рука двигалась толчками, словно преодолевая зубцы шестеренки. — Чистый феномен зубчатого колеса. Экстрапирамидный гиперкинез. Это не кататонический ступор шизофрении. Это тяжелейший лекарственный паркинсонизм от токсической дозы классических нейролептиков. Его целенаправленно травили.

— Чтобы лишить воли и превратить в овоща, — закончила я.

Орлов наложил жгут на высохшее предплечье и набрал в шприц десять кубиков темной венозной крови.

— Нужен токсикологический скрининг плазмы. Немедленно.

Мы прошли в лабораторный бокс, отделенный от процедурной стеклянной перегородкой. Лаборантка Ниночка испуганно прятала глаза:

— Доктор Орлов... Дятлов утром опечатал шкаф со спектральными реактивами на инвентаризацию.

Орлов подошел к стенному сейфу, открыл его личным ключом и вынул герметичный контейнер с немецкой маркировкой:

— Мой личный кафедральный резерв. Экспресс-тесты судебно-медицинской хроматографии. Начмеду до них не дотянуться.

В этот момент замок щелкнул — Зубов воспользовался дубликатом ключа и влетел в процедурную со шприцем, полным мутного раствора аминазина:

— Я прекращаю этот балаган! Пациенту показана седация!

Я шагнула наперерез, перекрыв доступ к кушетке:

— Шаг вперед — и я ломаю тебе лучезапястный сустав со смещением. Статья сто пятнадцатая УК. Опустит шприц.

Зубов опешил и попятился, наткнувшись на нависшего Орлова. Шприц в его пальцах мелко задрожал.

Я повернулась к старику, закатала штанину пижамы на правом бедре — и замерла.

На латеральной поверхности бедра багровел огромный плотный инфильтрат размером с грецкий орех с четким точечным следом от толстой иглы.

— Масляное депо, — констатировал Орлов. В его голосе звенел металл. — Галоперидол деканоат. Пролонгированная форма. Вводится раз в месяц и непрерывно выбрасывает в кровь лошадиные дозы нейролептика.

— А в листе назначений у него что? — спросила я.

— В официальной карте — витамины В и легкий ноотроп, — тихо ответила выглянувшая Алена Васильевна. — Дятлов лично вел эту карту.

Орлов опустил тест-полоску в центрифугированную плазму крови. Через двадцать секунд чувствительная зона налилась густым ядовито-фиолетовым цветом, выйдя далеко в зону критической интоксикации.

Роман ткнул тест-полоску под нос Зубову:

— Любишься. Доза превышена в четыре раза. Если бы ты вколол аминазин, у старика через десять минут наступил бы паралич дыхательного центра и остановка сердца на фоне нейролептического коллапса. И ты об этом знал.

Зубов сглотнул, покрывшись испариной, выронил шприц в лоток и попятился к выходу:

— Вы ничего не докажете...

— Вон отсюда, — оборвал Орлов. — И передай Дятлову: образцы крови с протоколом экспертизы лягут на стол председателя СК через час.

Зубов пулей вылетел в коридор.

Мы перевели Белозерова в светлую палату с широким окном в парк. Алена Васильевна зарядила инфузомат раствором циклодола, янтарной кислоты и физраствора.

Но едва жидкость побежала по трубке капельницы, старик начал метаться, пытаясь зубами дотянуться до иглы:

— Пустите... чертежи... Вера, не отдавай ключ...

Медсестра потянулась к мягким фиксаторам:

— Роман Андреевич, надо привязать руку...

— Не надо, — остановила я ее.

Я села на край матраса и бережно взяла горячие дрожащие пальцы старика в свои ладони:

— Петр Сергеевич. Послушайте меня. Всё закончилось. Высоты нет. Чертежи в безопасности, особняк Савина стоит крепко. В вене — просто чистая вода, она вымоет всю муть из головы. Вы дома. Я рядом.

Пальцы старика расслабились, отдавая напряжение моим рукам. Дыхание стало ровным. Спустя пять минут он спал глубоким, исцеляющим сном без кошмаров.

Мы вышли на сестринский пост. За окнами сгустились сумерки. Алена Васильевна заполняла журнал, ее руки заметно дрожали:

— Роман Андреевич... Дятлов этого не простит. Завтра он соберет внеочередную комиссию, обвинит вас в самоуправстве и отправит Петра Сергеевича в интернат. А вас уволят по статье!

Орлов спокойно улыбнулся старшей сестре:

— Пусть попробует, Алена. Белозеров останется здесь. Пост у его палаты — круглосуточный. Без моего личного разрешения к нему не войдет ни одна живая душа.

Затем он повернулся ко мне, внимательно изучая мое бледное лицо:

— Майор Соколова. Ваша палата готова. Но перед сном... зайдите ко мне в ординаторскую. Нам необходимо поговорить.

* * *

Было уже половина десятого вечера. В отделении царил приглушенный полумрак. Я стояла перед массивной дубовой дверью ординаторской, сжимая в руках направление МЧС.

Адреналин схлынул, оставив свинцовую пустоту. Меня начинал колотить мелкий озноб. Я чувствовала себя самозванкой: сломанная женщина, приехавшая просить таблетки от кошмаров, вломилась в чужую профессиональную битву.

Я постучала и толкнула дверь.

Кабинет доктора Орлова оказался неожиданно теплым: книжные полки от пола до потолка, персидский ковер, кожаные кресла и настоящий дровяной камин, в котором тихо потрескивали березовые поленья. Роман сидел за письменным столом, перевязывая рассеченную ладонь свежим бинтом.

— Доктор Орлов, — я остановилась у порога. — Я пришла забрать направление. Я не останусь пациенткой. То, что произошло на карнизе... я едва не сорвалась в паническую атаку. Я нестабильна. В вашей войне с начмедом я стану балластом. Я переночую в гостинице, а в понедельник подам рапорт об увольнении.

Роман поднялся из-за стола. Он был на голову выше меня, широкий в плечах, и от него исходила такая плотная мужская сила, что слова застряли у меня в горле.

Он подошел, повернул ключ в замке двери, затем шагнул ближе и расстегнул пуговицу моего плаща. Я попыталась отстраниться, но его бережные руки не позволили мне отступить. Он снял с моих одеревеневших плеч мокрый плащ и повесил на вешалку.

— Во-первых, Инга, вы никуда не поедете, — тихо произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Во-вторых, спасатель, вытащивший сегодня из петли старика и прикрывший меня от осколка стекла, не имеет права называть себя балластом. И в-третьих... вам холодно. Пойдемте.

Он распахнул стеклянную дверь на служебный балкон ординаторской. В комнату ворвался терпкий ночной воздух, пахнувший палой листвой и дождем. Роман снял со стула свое шерстяное пальто грубой вязки, пахнущее кедровым мылом, бережно набросил мне на плечи и вывел на балкон.

Я оперлась о кованые перила. Внизу расстилалась черная масса парка. Липы глухо шумели.

И в этот момент темнота шевельнулась. Мне показалось, что это обломки рухнувшего торгового центра смыкаются над головой. Воздух застрял в горле, круги поплыли перед глазами, ноги стали ватными. Я качнулась назад.

Но упасть мне не дали.

Орлов подхватил меня за локти, мягко привлек к себе и взял мои заledenевшие пальцы в свои огромные, горячие ладони. Он не стал ничего говорить — просто начал медленно растирать каждый мой пальчик, согревая их своим ровным дыханием.

Тепло его рук было осязаемым, густым. По предплечьям побежали спасительные мурашки.

— Дышите, Инга, — негромко произнес он. — Здесь нет завалов. Здесь только осенний сад.

Мы перешли в застекленную галерею у балкона, где мерцали огни города. Стена полугодового молчания дала трещину:

— Вы не понимаете, Роман... Я была там восемь часов. В темноте, зажата плитам. Рядом лежал семнадцатилетний мальчик Серёжа. Его зажал балкой перекрытия. Я держала его за руку... Пульс угасал прямо под моими пальцами. Я обещала ему, что спасатели близко, что автоген уже режет металл, что мама ждет его дома... А он затих за двадцать минут до того, как пробили лаз. За двадцать минут! Я переговорщик, я должна была вдохнуть в него волю к жизни. А я не смогла. Я выжила, а он остался там. Я списанный материал, доктор.

Слезы, которых я стыдилась полгода, обожгли щеки.

Роман повернул меня к себе за плечи. Его пальцы легли на мои ключицы твердо, возвращая чувство реальности. В его глазах горела абсолютная вера:

— Послушай меня, Инга. Ты держала его за руку в темноте. Ты была рядом, когда он уходил, и он ушел согретый твоим голосом и теплом. Ты отдала ему всё, что могла отдать человеческая душа. А сегодня ты вырвала старика из зубов смерти. Твоя боль — это не слабость. Это цена живого сердца. И пока это сердце бьется, ты спасатель.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как ледяной узел вины в груди начинает таять.

Мы вернулись в кабинет. Роман подбросил полено в камин и зажег настольную лампу с зеленым абажуром. В комнате разлился изумрудный свет.

И вдруг снаружи налетел бешеный порыв ветра. Старая фрамуга окна, которую забыли зашелкнуть, с оглушительным пушечным грохотом распахнулась, ударившись об откос. Завывающий вой сквозняка и хлопок рамы ударили по нервам, как разрыв гранаты.

Паническая атака накрыла меня сокрушительным цунами.

Глава

3

Комната сжалась до размеров гроба. Воздух выбило из легких. Спазм скрутил диафрагму так, что я не смогла вскрикнуть. Колени подогнулись, и я рухнула на ковер перед камином, судорожно раздирая ворот свитера и хватая ртом пустоту.

Роман среагировал мгновенно. В два шага метнулся к окну, захлопнул раму, повернул шпингалет и опустил на колени передо мной.

Я ждала, что он бросится за шприцем с реланиумом, чтобы оглушить меня химией, как делали врачи на службе.

Но Орлов даже не взглянул на шкаф.

Резким движением он расстегнул пуговицы своей рубашки, обнажая широкую горячую грудь. Перехватил мои сведенные судорогой пальцы и силой прижал их к своей обнаженной коже — прямо над бьющимся сердцем.

Его тело обдало меня жаром печи. Под моими пальцами отчетливо, весомо стучал его пульс. Удар... еще удар... ровный, глубокий ритм сильного мужчины.

— Смотри на меня, Инга, — его голос заполнил всё сознание. Он обхватил мое лицо теплыми ладонями, приблизившись так, что его дыхание коснулось моих губ. — Только на меня. Слушай мое сердце. Оно не остановится. И ты не остановишься.

— Я... не могу... дышать... — прохрипела я.

— Можешь. Дыши вместе со мной. Вдох на четыре счета... Раз, два, три, четыре... Держи... Теперь выдох на шесть... Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Я уткнулась лбом в изгиб его шеи, вжалась в его грудь, вдыхая терпкий запах его кожи и кедра. Мои вдохи начали подчиняться его мощной диафрагме. Его сердце диктовало ритм моему телу. Удар... вдох. Удар... выдох.

Спазм отпустил. Паника рассыпалась пеплом, оставив после себя очищающую волну слез, которые текли по его ключице. Я дышала.

Спустя полчаса я сидела на кожаном диване, укутанная пледом. Камин тихо потрескивал. Дрожь улеглась, уступив место глубокому покою.

Роман протянул мне кружку с горячим чаем, пахнущим чабрецом и мятой. Его ладонь накрыла мои пальцы — надежно и тепло:

— Пейте, Инга. Травяной сбор деда. Снимает любой спазм.

Я сделала глоток, чувствуя, как тепло растекается по венам:

— Спасибо вам, Роман... За всё.

Тишину кабинета разорвал резкий звонок телефонного аппарата на столе. Металлический зуммер звучал угрожающе.

Орлов снял массивную черную трубку и включил громкую связь.

В тишине отчетливо раздался вкрадчивый, ядовитый голос начмеда Дятлова:

— Роман Андреевич... Добрый вечер. Полагаю, вы наигрались в благородство на крыше. Докладываю: Зубов написал докладную о вашем самоуправстве. Утром я вылетаю в министерство и департамент за окончательной визой на закрытый специнтернат и санкцией на ваше увольнение. А по возвращении лично возглавлю внеочередную экспертную комиссию. Бело-

зеров отправится в интернат, а вы вылетите из медицины с волчьим билетом за халатность и нападение на персонал. Выбор за вами, доктор.

Роман стоял прямо, глядя в темное окно. Его лицо окаменело, но в глазах плясали холодные стальные искры. Спокойно, с убийственной четкостью он отчеканил в мембрану:

— Только через мой труп, Григорий Иванович. До встречи на комиссии.

Он с глухим стуком опустил трубку на рычаг. Затем повернулся ко мне, подошел к дивану и протянул руку, крепко сжав мои пальцы:

— Ну что, майор Соколова... Впереди настоящий бой.

Я посмотрела в его глаза, чувствуя, как внутри расправляет плечи прежний офицер спасательной службы, и сжала его горячую ладонь в ответ:

— Мы примем этот бой вместе, доктор Орлов. До победного конца.

* * *

Раннее осеннее солнце пробивалось сквозь золотую листву вековых лип, расчерчивая паркет моей палаты на третьем этаже теплыми янтарными полосами. За высоким стрельчатым окном тихо шелестел умытый ночным дождем старинный парк. Воздух пах сырой землей, корой, прелыми листьями и удивительным, почти забытым мною покоем.

Впервые за долгие полгода я проснулась без привычного железного обруча головной боли. Стены исторического кирпичного корпуса больше не казались мне братской могилой или рухнувшей бетонной плитой, готовой раздавить грудь. В комнате витал тонкий, горьковатый аромат белой садовой хризантемы, заботливо оставленной ночной дежурной сестрой на прикроватной тумбочке.

Короткий, уверенный стук в дверь заставил меня встрепенуться.

Я успела натянуть серый вязаный свитер и подойти к порогу, когда дверь мягко открылась. На пороге стоял Роман Орлов. В распахнутом белоснежном халате поверх темно-синей рубашки без галстука, с двумя большими дымящимися керамическими кружками свежесваренного кофе в руках. От него исходило густое, надежное ощущение утренней бодрости, чистоты и мужской силы.

— Доброе утро, Инга, — произнес он, и в его темных глазах блеснула теплая улыбка, хотя черты лица сохраняли привычную врачебную строгость.

Я неловко отступила назад на шаг, сжимая край свитера:

— Доброе утро, доктор Орлов. Вам не стоило рисковать репутацией отделения и приходить сюда. Я здесь по ведомственному направлению на реабилитацию, фактически — надзорная пациентка после острого срыва. Если начмед Дятлов увидит вас со мной...

Роман мягко перешагнул порог, поставил одну кружку на круглый журнальный столик, а второй рукой протянул мне аккуратно сложенный, накрахмаленный белый медицинский халат и массивный немецкий фонендоскоп с хромированной мембраной:

— С надзором покончено, майор Соколова. С восьми утра вы официально зачислены в штат кризисного отделения приказом заведующего как врач-консультант, старший специалист по острым психическим травмам. Мы начинаем утренний обход. Мне нужен рядом соратник и коллега высшей пробы, а не запертая в четырех стенах пациентка. Пейте кофе, надевайте халат. И поверьте: этот белый цвет вам невероятно идет.

В горле у меня потеплело. Это было не просто формальное назначение — это был акт безоговорочной мужской и профессиональной веры, вернувший мне чувство собственного достоинства.

— Начмед сотрет нас в порошок, если узнает, что вы допустили меня к историям болезни без его визы, — негромко возразила я, принимая прохладную, хрустящую ткань халата.

— Дятлов сегодня в семь утра умчался служебной машиной в министерство и горздрав — выбивать министерскую визу на немедленный перевод Белозерова в интернат и санкцию на моё увольнение, — усмехнулся Роман. — Алёна Васильевна доложила: комиссию он в бешенстве перенес на завтрашнее утро. Так что у нас есть ровно сутки, чтобы найти железобетонные улики и спасти Петра Сергеевича. А здесь, на третьем этаже, команду я. Жду вас в коридоре через пять минут.

Когда я вышла на сестринский пост в белоснежном халате с фонендоскопом на шее, отделение уже жило утренней размеренной жизнью. Пациенты с тревожными расстройствами и неврозами неторопливо выходили в холл на утреннюю гимнастику. Пожилая учительница литературы из четвертой палаты робко подошла ко мне, протягивая скромный букетик желтых хризантем:

— Спасибо вам, доченька... Мы все видели вчера из окон. Вы спасли Петра Сергеевича.

Я тепло коснулась ее сухих пальцев, благодаря за цветы, но в этот момент из дальнего конца коридора бегом примчался санитар Миша с побелевшим лицом:

— Роман Андреевич! У Белозерова капельница встала! Катетер забился, старик мечется, давление скачет за сто восемьдесят!

Орлов рванул вперед, но офицерские рефлексы сработали быстрее: на ходу перехватив со стола манипуляционной флакон гепаринизированного раствора со стерильным шприцем, я первой вбежала в палату интенсивной терапии.

Белозеров тяжело хрипел, судорожно вжимаясь в простыни. Пластиковая трубка инфузомата застыла, у самой канюли подключичного катетера чернел кровяной сгусток.

— Спокойно, Миша, отойди от стойки, — скомандовала я, пережимая фиксатор.

Точным, ювелирным движением безыгольного шприца я осторожно промыла просвет подключичного катетера микродозой гепарина, вымывая микротромб на стерильную марлю, и плавно перезапустила инфузию со скоростью сорок капель в минуту. Монитор мягко пискнул, кривая пульса выровнялась, дыхание старика стало глубже и свободнее.

— Тромбоз ликвидирован, эмболия исключена, — выдохнула я, сбрасывая салфетку в лоток.

Орлов, замерший в дверях палаты, смотрел на мои пальцы с неприкрытым восторгом:

— Секунда в секунду. Майор Соколова, снимаю шляпу перед вашей реакцией.

Белозеров приоткрыл мутные, воспаленные веки. Увидев склонившиеся над ним белые халаты, он в паническом ужасе вжался в подушку, закрываясь худыми дрожащими предплечьями:

— Не надо... Не колите меня! Я всё подпишу, только не отнимайте разум!

Роман мгновенно отступил на полшага назад, понимая, что крупная фигура врача может усилить бред преследования. Я опустила на краешек кровати, осторожно взяла его ледяные, исхудавшие пальцы в свои теплые ладони и заговорила тем самым низким, бархатистым голосом, который вчера удержал его над бездной:

— Петр Сергеевич. Посмотрите на меня. Никаких уколов больше не будет. Вы в безопасности, в кризисном отделении доктора Орлова. Я Инга. Вспомните Набережную.

Взгляд зодчего медленно сфокусировался на моем лице. В выпетших голубых глазах вспыхнуло ясное, осмысленное человеческое сознание. Он судорожно сжал мои пальцы своими высохшими руками:

— Инга... Вы спасли меня от пропасти... Они вливали мне этот яд три недели. Дятлов твердил, что я выжил из ума, но им нужно было одно — чтобы я сам шагнул с высоты и оставил им мастерскую на Набережной!

Это была полная победа. Юридически безупречный контакт с потерпевшим в присутствии двух свидетелей-врачей.

Мы вышли в процедурную, чтобы скорректировать детокс-терапию. Старшая медсестра Алёна Васильевна открыла металлический сейф, достала журнал сильнодействующих средств и с тревогой покачала головой:

— Роман Андреевич, центральная аптека заблокировала утреннюю заявку на цитиколин и церебропротекторы. Завскладом передал: начмед наложил личный письменный запрет на шестую палату.

Орлов даже бровью не повел. Достав из кармана ключ на цепочке, он открыл тяжелый кафедральный сейф в углу:

— Это мой личный резерв для клинических исследований. Берите оригинальный швейцарский церебролизин, Алёна. Мы очистим Белозерову мозг до хрустального блеска, и никакой начмед нам не укаж.

В эркерном холле тихо звучал ноктюрн Шопена из старенького приемника на посту. Я стояла у широкого трехстворчатого окна, глядя на золотую липовую аллею. Роман неслышно подошел сзади, его широкая ладонь на мгновение легла мне на плечо, обдавая теплом:

— Спасибо вам, Инга. Вы вернули человеку рассудок одним своим голосом.

Я подняла глаза и увидела в его взгляде не просто уважение старшего коллеги, а глубокое, трепетное восхищение мужчины. Электрическая теплая волна пробежала по коже, связывая нас невидимой нерушимой нитью.

Глава

4

В полдень я вернулась в палату архитектора с диктофоном и чистым блокнотом. Капельница размеренно отсчитывала прозрачные капли. Белозеров сидел на подушках, его щеки слегка порозовели, дыхание стало глубоким и ровным.

— Петр Сергеевич, — тихо начала я, присаживаясь на стул рядом. — Нам нужно бережно восстановить хронологию событий до вашей госпитализации.

Старик тяжело помрачнел, отворачиваясь к стене:

— Оставьте меня, голубушка... Голова гудит. Объявят сумасшедшим, чертежи сожгут, сгноят в специнтернате...

Я не стала настаивать на медицинских расспросах. Мягко коснулась его локтя:

— Петр Сергеевич, забудьте на минуту о врачах. Расскажите мне про особняк Савина. Как вам удалось рассчитать нагрузку купола ротонды без единой промежуточной колонны?

Глаза зодчего вспыхнули чистым творческим огнем. Психологический блок разрушился моментально. Он пересел в кресло к столику, схватил мягкий графитовый карандаш и принялся набрасывать схему сводов, путаясь в датах:

— Это было... в восьмидесятом? Нет, позже...

— В девяносто первом, Петр Сергеевич, — подсказала я, раскрывая принесенный архитектурный справочник. — Набережная, двенадцать. Бывший особняк купца Савина. Вы реставрировали его под художественный центр.

— Точно! — старик звонко ударил ладонью по столу. — Девяносто первый! Мастерская моя там, на четвертом этаже под световым фонарем! А в кожаном портфолио чертежей, которое я чудом успел забрать из дома в свой чемодан перед облавой, рядом с особняком хранится студенческий дипломный проект тысяча девятьсот семьдесят пятого года — генеральный план подземных инженерных коммуникаций и дренажной сети нашей Больницы номер двенадцать! Я ведь сам рассчитывал здешние дренажные коллекторы и ливневки, знаю каждый подземный колодец и каждый метр старой кирпичной кладки!

Память разворачивалась стремительно, возвращая имена и детали:

— За две недели до больницы ко мне пришел вежливый молодой человек в дорогом пальто. Назвался инспектором благотворительного фонда «Забота». Обещал субсидию на реставрацию. А с ним — частный нотариус с тяжелым золотым перстнем на пальце. Руслан Кравцов! Он требовал подписать дарственную на мастерскую в обмен на пожизненное содержание в элитном пансионате. Я выгнал их взащей. На следующий вечер у меня потемнело в глазах после чашки чая, вызвали платную неотложку... и я очнулся уже здесь, привязанный к койке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.